

**Этнографически-бытовые и культурные
характеристики города в иерусалимском тексте
произведений Дины Рубиной „Вот идет Мессия!...”
и „Иерусалимцы”**

**Socjalno-etnograficzna i kulturowa charakterystyka
tekstu jerozolimskiego w utworach Diny Rubiny „Oto idzie
Mesjasz!” i „Jerozolimczycy”**

**Social and ethnographic, and cultural characterisation
of Jerusalem text in Dina Rubina’s literary works: “Here
comes the Messiah!” and “Jerusalemites”**

Mirosław Śmiłowski

Słowa kluczowe

tekst miasta, Jerozolima, Dina Rubina

Key words

text of Jerusalem, Dina Rubina

Abstrakt

W artykule ukazana została sfera socjalno-etnograficzna tekstu Jerozolimy – miejsca akcji utworów Diny Rubiny *Oto idzie Mesjasz!* i *Jerozolimczycy*. Uwaga została przede wszystkim zwrócona na wielokulturowść miasta, jego mieszkańców i ich odrębność religijną w tekście jerozolimskim. Ukazane zostały warunki, w jakich na co dzień żyją mieszkańcy Jerozolimy i Izraela – ich życie codzienne i kulturowe, jak również ciągły strach towarzyszący bohaterom, który jest wywołany napięciami pomiędzy Izraelczykami i Arabami.

Abstract

In this article social and ethnographic sphere of the text of Jerusalem – where the action of Dina Rubina’s works, *Here comes the Messiah!* and *Jerusalemites*, takes place – has been depicted. What has been emphasized is the stress laid

by the author on multi-cultural image of the city and its inhabitants, on their religious and devotional variety. The living conditions which the inhabitants of Jerusalem and Israel experience every day – their daily routines and cultural life, as well as, accompanying the characters every day, constant fear resulting from the tensions between the Israeli and Arabs – are presented.

Этнографически-бытовые и культурные характеристики города в иерусалимском тексте произведений Дины Рубиной *Вот идет Мессия!... и Иерусалимцы*

Анализируя иерусалимский текст в произведениях Дины Рубиной *Вот идет Мессия!... и Иерусалимцы*, мы отталкиваемся от мысли писательницы о том, что живущие в одном городе люди обычно имеют похожую оптику, видение мира, которое сформировалось в конкретное время и в конкретном месте. Не случайно Д. Рубина в одном из интервью сказала: „Да, география диктует психологию. И в дальних поездках эта формула – «география диктует психологию» – особенно работает”¹. Согласно её мнению, то, как герои видят и мир, и свой родной город, в котором они живут, зависит и от самого этого города, который влияет на их способ мышления, и от тех городов, из которых они приехали, где они раньше жили и выросли.

Уже при чтении самого названия романа Д. Рубиной *Вот идет Мессия!...* может показаться, что главной темой произведения будет приход Мессии или другие религиозные темы. Однако, по мнению Л. Аннинского, это произведение надо читать внимательно: „Мессиянская откровенность этой самохарактеристики обманчива. В романе Дины Рубиной все звучит несколько иначе. Надо только включиться в ее интонацию. В ее «припрыжку и посвист». В новоизраильский кич”².

В романе Д. Рубиной *Вот идет Мессия!...* Иерусалим показан глазами представителей русской эмиграции, которым после отъезда из СССР пришлось жить в Израиле. Время действия произведения охватывает всего несколько дней. Это в целом ничем не примечательный период, который тем не менее демонстрирует их жизнь в стране, где они ещё являются чужаками, и показывает столкновение в Иерусалиме разных культур.

С первых строк чувствуется, что автор пишет о городе, который ей хорошо знаком и в котором она живёт.

В самом начале произведения мы слышим обращение ведущего радиостанции *Русский голос* к своим слушателям. Передача звучит утром, и ведущий сообщает точную дату происходящих событий: «Сегодня

¹ Э. Митина, „Проездом” с Диной Рубиной. *Беседа с писательницей*, „Алеф”, Нью-Йорк–Москва–Иерусалим 2002, № 8, с. 15.

² Л. Аннинский, *Отсечено? Отрублено? Отрезано?*, „Дружба народов” 1996, № 10, с. 218.

девятнадцатое марта, вторник, по еврейскому летоисчислению – каф зайн месяца адара, пять тысяч семьсот пятьдесят пятого года»³. Очевидно, что подобное летоисчисление не свойственно для русских. Еврейский календарь отличается от григорианского на 3760 лет. Таким образом, год разворачивания событий – это 1995. Слова ведущего – это единственно точное упоминание времени действия во всём романе.

Действие произведения разворачивается в Иерусалиме и в Тель-Авиве. Эти города отличаются друг от друга. Автор пишет:

Тель-Авив отличался от Иерусалима куда больше, чем может отличаться просто приморский пальмовый город от хвойного города на горах. Здесь по-другому текло время, иначе двигались люди. Они иначе одевались – будто невидимое око, что вечно держит стражу над Иерусалимом, здесь опускало веко и засыпало, позволяя обитателям побережья жить так, как в Иерусалиме жить просто непозволительно. Оно, до времени, спускало им многое, чего бы не спустило жителю Святого города, вынужденного дышать разреженным воздухом над крутыми холмами (с. 76).

Иерусалим в большинстве случаев представлен глазами русских эмигрантов. Они – не коренные жители этого города. Мы можем лишь формально считать их иерусалимцами. Опыт, который они вынесли из СССР, влияет на способ их восприятия новой среды обитания.

Одной из главных героинь произведения *Вот идет Мессия!*... является Зяма. Ей сорок лет, из них уже пять лет она работает в местной русскоязычной газете *Полдень*. Её глазами мы видим культурную сферу города – особый способ жизни, характерный для Иерусалима. Многие в этом городе её удивляют. В частности, чувство домашности в нем живущих, а также постоянные напоминания ведущего радиопередачи *Литературная Родина* и берущего у неё интервью Семы Бампера о том, что «Машиах придет в две тысячи седьмом году», и что он «это с детства знал» (с. 8). Автор пишет:

То, что евреи екнулись на пришествии Мессии (по-здешнему Машиаха), она, конечно, знала и раньше. Но то поголовное, повсеместное, профессиональное ожидание Мессии (ожидание, с вокзальным, справедливо добавить, оттенком), с каким она столкнулась в этой стране, поначалу ее даже обескуражило. К счастью, она сразу поняла, что Ожидание является здесь образом жизни, основным ее содержанием, а она

³ Д. Рубина, *Вот идет Мессия!*..., [в:] Д. Рубина, *Иерусалимский синдром: Рассказы*, Москва 2008, с. 7. Далее цитируем по этому изданию с указанием страниц в скобках.

свято относилась ко всему, что составляло основное содержание жизни любого человека (с. 10).

Это ожидание – один из существенных факторов, который постоянно сопровождает жизнь почти всех героев.

Глядя на Иерусалим сквозь призму восприятия мира бывшего гражданина СССР, Зяма видит в этом городе непривычное для неё столкновение и аберрацию разного типа культур, совмещение несовместимого, осмысляемого как хаос. „Нет, прочь, прочь отсюда, пока бедный разум вмещает хоть какое-то подобие реальности... Миллиардерша-магометанка. Причем из Набережных Челнов. И ее рабыня, значит. Христианка” (с. 12), – думает она, встретив в очередной раз Сему Бампера, водящего по Иерусалиму туристов, среди которых попадаются и те, конфессиональные пристрастия которых явно не соответствуют стандартным представлениям о так называемых приоритетных национальных религиях.

Встретив в автобусе русского парня, служащего в израильской армии, Зяма вообще думает, что теперь – „все смешалось, лопнуло, потекло, растеклось по землям...” (с. 19).

Своё удивление столкновением разного типа культур Д. Рубина показывает и в рассказах цикла *Иерусалимцы*. В одном из них мы читаем о деятельности русских в кнессете, и автор пишет: „Я горжусь активной деятельностью «русских» в кнессете. Дивная страна! Боже, какая страна – живи, пиши и никогда не испишешься!”⁴. В другом, где речь идет о работе правоохранительных органов, автор отмечает, что „в их коридорах можно встретить уже много наших. Причем как по эту, так и по ту сторону закона” (с. 401).

Иерусалим и в реальности, и в произведениях Д.Рубиной представляет собой конгломерат различных культур, и их соотношения между собой и наложение друг на друга не могут не удивлять. Здесь уместно говорить о так называемом поликультурализме и о его специфике в конкретном историко-культурном и географическом пространстве. Не случайно, анализируя произведение *Вот идет Мессия!...*, Э.Ф. Шафранская в своей статье уделяет особое внимание поликультурной семантике даже его заглавия. При этом она под поликультурностью понимает, „во-первых, иудео-христианский миф о Мессии,

⁴ Д. Рубина, *Иерусалимцы*, [в:] Д. Рубина, *Иерусалимский синдром: Рассказы*, Москва 2008, с. 420. Далее цитируем по этому изданию с указанием страниц в скобках.

во-вторых, общечеловеческое нравственно-этическое поле, в которое выводит автор романа собственно иудейский концепт заглавия”⁵.

Поликультурализм проявляется буквально во всех сферах жизни героев произведений Д.Рубиной. Виден он даже в языке ведущих передач русских радиостанций. В нем:

среди акцентов преобладали украинский и азербайджанский. Первый придавал передачам „Русского голоса” ненавязчивую домашность, второй добавлял к этой домашности оттенок кавказского гостеприимства.

Новые репатрианты любили свое русское радио, пенсионеры – те вообще не выключали приемников, ласково называли ведущих программ интимно усеченными именами и охотно звонили, чтобы выразить свое мнение по разнообразным вопросам. Их не смущала тема передачи – они разбирались и в политике и в экономике, в науке и в искусствах... словом, не сегодня сказано, что каждый еврей всегда имеет свое особое мнение по каждому вопросу (с. 100).

Новые жители Иерусалима, в корне изменив свою жизнь, нередко берут себе новые имена и фамилии, чтобы лучше вписаться в то общество, в котором теперь им приходится жить. Так в одном из фрагментов романа автор пишет:

Нетрудно предположить, что особой популярностью пользовалась передача „Скажем прямо!”. Вел ее Вергилий бар-Иона, в прошлой жизни – Гена Коваль, уроженец города Газли, страстный филолог с азербайджанским акцентом, приверженец русской классической поэзии. Комментировал он и последние политические события, неизменно начиная и заканчивая комментарий цитатами из классиков (с. 100).

В другом из фрагментов произведения можно прочесть о некоем Юрии Баранове, который еще до приезда в Израиль был после принятия иудаизма наречен именем Ури Бар-Ханин (с. 159).

Среду эмигрантов в романе Д.Рубиной *Вот идет Мессия!*... представляют герои разных национальностей. В одном из эпизодов Рабинович встречается с французом. В другом – между собой беседуют бывший житель СССР и араб. И таких эпизодов в произведении немало.

Одним из любимых мест, в котором встречаются герои произведения *Вот идет Мессия!*..., является кондитерская *На высотах Синая*. Она носит типично еврейское название, однако работают там

⁵ Д. Рубина, *Иерусалимцы*, [в:] Д. Рубина, *Иерусалимский синдром: Рассказы*, Москва 2008, с. 420. Далее цитируем по этому изданию с указанием страниц в скобках.

представители разных национальностей, например, эфиопка и польская еврейка. В тексте романа читаем:

Подошла оливковой красоты эфиопка лет шестнадцати. Подрабатывает на каникулах. Не отрывая взгляда от ее точеного, безупречно банального личика, в котором все же – профилно – мелькало нечто пушкинское, Зяма заказала себе кофе, старухе – вишневый чай и два куса пирога с яблоками. Пироги здесь подавали огромными, как утюги на блюде, кусками, а чай по-настоящему заваривали вишневым листом. За это Зяма уважала кондитерскую „На высотах Синая”.

Ее держала старая польская еврейка, спасаясь из Освенцима. Она сидела за кассой в инвалидной коляске, и если официантка не успевала – больше одной девушки держать было накладно, – то старуха сама обслуживала посетителей, ловко лавируя в коляске между пятью столиками (с. 128).

Работа в одном к тому же еврейском заведении эфиопки и польки лишь на первый взгляд может вызвать удивление. В Иерусалиме – городе, вместившем в себе представителей разных национальностей, это – норма, которая удивляет и кажется странной лишь поначалу.

В романе упоминаются частые приезды в город на гастроли известных актеров, писателей и других деятелей культуры бывшего многонационального СССР. При этом подчеркивается, что „извоз российских гастролеров держали почему-то украинские евреи” (с. 29).

В произведении *Вот идет Мессия!*... повествуется о том, как одному из героев – Рону Кацу – удалось за три – пять дней выучить язык эфиопских евреев. Исходя из текста романа, можно с уверенностью говорить о наличии в Иерусалиме имеющей свой язык эфиопской общины. Д.Рубина в романе упоминает также «марокканского еврея, сработанного из цельной глыбы» (с. 21), которого видит Зяма во время поездки в автобусе. В этом же рейсе она наблюдает, как со второго этажа автобуса показываются

грязные босые ноги в коротких чужих брюках с незастегнутой, как обычно, ширинкой, затем – вышитая жилетка на голое тело – вогнутая волосатая грудь с розовым серпообразным шрамом под сердцем – и, наконец, тревожно улыбающаяся, безумная физиономия иранского еврея лет сорока (с. 22).

Поликультурализм города подчеркивается в романе *Вот идет Мессия!*... упоминанием Д. Рубиной о соседке-болгарине Зяминого коллеги Вити (с. 37), о сирийских и иорданских арабах и выходящих для них в Восточном Иерусалиме на арабском газетах (с. 51), фиксацией арабских

названий улиц и названий употребляемых героями некоторых блюд, а также рассказом об обслуживающем персонале престижного салона *Белые ноги*, в штате которого

трое были маленькие тайландки, глянцевого, как желтые целлулоидные куклы, две горластые, чернявые и горбоносые дщери то ли иранского, то ли марокканского происхождения, а также Света и Рита, славные девушки из Минска на сезонных заработках (с. 36).

Поликультурализм проявляется также и в архитектуре Иерусалима. Жилые дома и различные сооружения в этом городе носят на себе следы разных национальных стилей. В одном из эпизодов романа *Вот идет Мессия!...* Д.Рубина пишет о том, как Сема провожает Зяму „до проходной, очень складно разместившейся в [...] доме старой арабской кладки” (с. 11). В тексте нередко упоминаются арабские и еврейские названия улиц, кварталов и районов Иерусалима.

Место, где работает Зяма – это редакция литературно-публицистического еженедельника *Полдень*. Ей помогает некий Витя, с которым она дружит. Автор пишет:

Редакция их газеты (или, как оба они гордо говорили – „офис”) обреталась в шестнадцатиметровой комнате, снятой на одной из самых грязных улочек, в самом дешевом районе южного Тель-Авива.

Это обшарпанное трехэтажное здание в стиле „баухауз”, выстроенное в конце тридцатых, предназначалось для сдачи внаем всевозможным конторам, бюро, мастерским и мелким предприятиям, если, конечно, можно назвать предприятием престижный салон „Белые ноги”, занимавший весь третий этаж (с. 35-36).

Работа в таком месте, как это может показаться, не ассоциируется ни с чем положительным. Однако даже подобные описания в произведении Д.Рубиной не вызывают никаких негативных эмоций. Причина этого, как пишет Л.Аннинский, – „секрет рубинской интонации: не меня выражения лица, она перемежает трагедию с анекдотом. Боль с хохотом. «Фарс с печалью»”⁶.

Полдень – это не единственная русскоязычная газета, выходящая в Иерусалиме. Кроме неё важное место занимает газета *Регион*, объединяющая немало представителей русских интеллигентов-эмигрантов.

Д. Рубина в своем произведении *Вот идет Мессия!...* довольно подробно, в стиле С. Довлатова, с нескрываемым юмором пишет о деятельности русскоязычных средств массовой информации в Израиле,

⁶ Э.Ф. Шафранская, *Поликультурная семантика заглавия романа Д. Рубиной „Вот идет Мессия!...”*, [in:] <http://science.rggu.ru/article.html?id=51182> (09.06.2009).

изображает работу корреспондентов, обозревателей, журналистов. При этом, с одной стороны, в произведении довольно остро ставится вопрос о развитии русской культуры в условиях эмиграции, с другой, – ярко показана вся та халтура, которая в ситуации национальной-культурного вакуума выдается за артефакт. Примером здесь может служить изображение отношений конкурирующих между собой русскоязычных газет. Автор пишет:

Вообще, в средствах массовой информации русского Израиля (за исключением солидной газеты „Регион” и отчаянного в своем одиноком бесстрашии еженедельника „Полдень”) по-хозяйски разгуливали бакинские ребятишки с ножичками за голенищем и кишиневская команда „с соседнего двора”. Иногда – как случается между дворами – они выходили драться цепями и кастетами. То есть публиковали на страницах своих изданий статьи, тон которых напоминал пьяный ор слободского хулигана.

Порой они объединялись, как, бывает, объединяются дворовые команды для игры в футбол. И тогда в том и другом лагере появлялись статьи с однообразной непристойной сволочьбой, которую они обрушивали на некое третье издание (с. 125).

Среди других двенадцати русскоязычных газет, выходящих в Иерусалиме, в романе упоминаются *Средиземноморское обозрение*, *Ближневосточье* и *Интрига*. Последняя всегда как бы расставляла все точки над *i* в публикуемых в Израиле материалах о приезжавших в страну знаменитостях. Автор пишет, что только дав множество интервью другим газетам,

обалдевшая от напора масс-медиа и потерявшая бдительность знаменитость попадала в лапы Фредди Затирухина – главного редактора, ответсекретаря, репортера, корректора, а также курьера, вышибалы и поломойки паршивой порнографической газетенки „Интрига”. [...] наутро в свежем номере «Интриги» появлялось разухабистое, с обилием неприличных слов, безграмотных выражений и непристойных откровений интервью, где знаменитость делилась с читателем этого малопочтенного издания некоторыми подробностями своей личной жизни. Ребята из „Региона” божились, что в одном таком интервью девять раз встречалось слово „хули”... (с. 30-31).

В Иерусалиме выходили, конечно, и другие газеты – еврейская *Новости страны*, а также арабские, издаваемые в Восточном Иерусалиме газеты. Кроме них, но уже в Тель-Авиве функционировала еще радиостанция *Русский голос*. Из её передач русские узнавали о новейших событиях, происходящих в Израиле и на их бывшей родине.

Важным центром, объединяющим представителей русской эмиграции, был находящийся в Иерусалиме и уже упоминаемый выше Духовный Центр Русской Диаспоры, который

посещали люди не только духовные. Завхоз Шура, к примеру, утверждал, что не было в Духовном Центре такой вещи, которую не сперли бы многократно.

Каждые три дня крали дверной крючок в туалете. Крючок. При этом оставляя на косяке железную скобу, на которую этот крючок накидывается.

Примерно раз в пять дней выкручивали лампочку над лестницей, ведущей на второй этаж. Это можно было осуществить только с риском для жизни, сильно перегнувшись через перила второго этажа, и чтобы кто-нибудь держал за ноги, иначе можно разбиться к лебедям (с. 27).

Зяма, главная героиня романа *Вот идет Мессия!*... работает в Тель-Авиве, однако живет в Иерусалиме. Ежедневно, когда она едет на работу автобусом или в машине со своим знакомым, она чувствует страх. Героиня беспокоится за свою жизнь. Она думает, что каждую минуту, когда она идёт по тёмной улице, кто-то может её убить. В одном из эпизодов читаем, как она

пошла вверх по узкой и крутой улице Королевы Елены, по которой всегда боялась ходить в сумерках. Улочка была не из приятных: слева тянулся забор столетней каменной кладки, справа зияли мусорные подворотни – эта улица спускалась к старому и неудобному району Мусрара, граничащему с Восточным Иерусалимом.

Ничего, спокойно: отсюда метров сто до освещенного перекрестка, до пригласительно светящихся полуарочных окон курдского ресторана „Годовалая сука” (с. 12).

Страх доводит её до того, что она начинает говорить сама с собой. Чередуя несобственно-прямую речь героини с описаниями от лица автора, Д.Рубина пишет:

Иди ровно, дыши легко и не оборачивайся на подозрительные шаги за спиной... [...]

Сзади щелкнул затвор оружия.

Шея!!!

Она рывком – как всегда, нелепо, жалко дернувшись, – оглянулась (с. 12-13).

Как оказалось, страх Зямы не имел никаких реальных оснований. За спиной она увидела старичка, гуляющего с собакой: он щелкал кнопкой переключения длины ремня на ободке поводка. Однако, испугавшись,

она решила, что сегодня не вернется домой и останется ночевать у своих родителей.

Страх сопровождает героиню всегда, когда она проезжает через Рамаллу, где стоят части ЦАХАЛа. Впрочем, это отнюдь не случайно, даже муж просит Зяму „добираться на автобусе, «культурно» – с автоматчиками и рацией” (с. 80). Для нее, пишет автор,

вот эти три минуты были как три глубоких вдоха. Вдох: резкий поворот направо, магазин бытовых товаров, вилла с цветными стеклышками в окнах террасы, запущенный пустырек с тремя могилами; вдох: поворот налево, глухой забор с двух сторон, и, следовательно, возможность заработать камень, бутылку „Молотова”, пулю; вдох: еще налево и круто вверх, приземистые дома с помойками, ряды оливковых деревьев, последний арабский дом, несколько метров пустой дороги и, наконец, ворота, шлагбаум, будка охранника: выдох, выдох, вы-ы-дох... (с. 82).

В течение этих минут, измеряемых вдохами, героиня испытывает огромное напряжение. Одновременно она обращает внимание на детали, которые, вероятно, в спокойном бы состоянии не заметила или не ассоциировала бы с коктейлем Молотова и нападением.

Страхи Зямы небезосновательны: столкновения между арабами и израильянами не прекращаются. Отсюда – и м и л и т а р н а я составная, которая входит в сферу этнографически-бытовых и культурных характеристик Иерусалима. Она актуализируется автором через упоминание служащих в армии девушек, с автоматами едущих рядом с мирными жителями в автобусе, через сюжетную линию, связанную с другой главной героиней романа – Известной писательницей N., сын которой проходит службу в израильской армии, через рассказ о поездке Зямы в автобусе во время ее возвращения с работы домой. Автор пишет:

Автобус номер 405, следующий по маршруту Иерусалим – Тель-Авив, осаждали ребята из бригады „Голани”, и она удивилась тому, что среди бойцов этой прославленной бригады довольно много невысоких щуплых мальчиков с торчащими кадыками. Открыв все багажные отсеки автобуса, они забрасывали внутрь тугие тяжеленные баулы. Несколько штатских смиренно перебирали ногами в общей очереди.

Позади Зямы курили двое в форме летных частей (с. 19).

Во время той же самой поездки

рядом с ней сел солдатик из „Голани”, винтовку поставил меж колен, дулом вверх. Она взглянула мельком – кустистые черные брови над горбатым носом, суровое горское лицо. В проходе, прямо на своем бауле сидела девочка в форме танковых частей.

Почему ему не приходит в голову уступить девочке место, с досадой подумала Зяма. Ну да, они – солдаты, оба солдаты... (с. 22).

Поликультурализм и милитарная составная в той или иной степени присутствуют во всех характеристиках города, представляющих особенности его этнографически-бытовых и культурных реалий. Помимо рассмотренных нами выше в произведениях Д. Рубиной *Вот идет Мессия!...* и *Иерусалимцы* описываются или упоминаются также такие праздники, как мусульманский Рамадан, еврейские Симхат Тора, Ханука, Йом Кипур и Суккот („семь ночей спать под открытым небом” – с. 409), парад в День Иерусалима, мероприятия, проводимые Духовным Центром Русской Диаспоры („Вечер взаимодействия двух культур” – с. 98). Причем в их представлении в романе *Вот идет Мессия!...* и цикле рассказов *Иерусалимцы* наблюдается определенная общность, что и позволяет говорить о наличии иерусалимского текста в этих произведениях.